
Журналистика

УДК 316. 77

ББК 76. 01

Б 57

Бешукова Ф.Б.

Доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Адыгейского государственного университета, e-mail: fat8474@yandex.ru

Меретукова Б.А.

Ведущий специалист Комитета по делам национальностей, связям с соотечественниками и средствам массовой информации Республики Адыгея, соискатель кафедры литературы и журналистики Адыгейского государственного университета, e-mail: fat8474@yandex.ru

Лингвокультурологический аспект функционирования медиатекста в современном информационном обществе (Рецензирована)

Аннотация:

Целью статьи является систематизация зарубежных теорий текста и попытка их адаптации к анализу специфики медиатекста. Методологической основой работы стал лингвокультурологический подход, позволивший реализовать задачи многомерного исследования языка и структуры журналистского текста. Актуальность статьи обоснована новизной темы, малоизученностью и недостаточной степенью теоретизации и систематизации публицистического дискурса.

Ключевые слова:

Медиатекст, постструктурализм, журналистика, дискурс, языковая игра, информационный поток, лексикод, означающее и означаемое.

Beshukova F.B.

Doctor of Philology, Professor of Literature and Journalism Department of Adyghe State University, e-mail: fat8474@yandex.ru

Meretukova B.A.

Principal Specialist of Committee for Affairs of Nationalities, Relations with Nationals and Mass Media of Adygheya Republic, competitor for Candidate degree of Literature and Journalism Department of Adyghe State University, e-mail: fat8474@yandex.ru

Linguoculturological aspect of functioning of the media text in a modern information society

Abstract:

The purpose of this study is systematization of the foreign theories of the text and an attempt to adapt them to the analysis of specificity of the media text. A methodological basis of the work is the linguoculturological approach, which allowed the authors to realize the

problems of multidimensional research of the language and structure of the journalistic text. The urgency of this work is proved by novelty of the theme, its poor study and by insufficient degree of theorization and systematization of a publicistic discourse.

Keywords:

The media text, post-structuralism, journalism, discourse, language game, information stream, lexicon code, meaning and meant.

На языковую деятельность современной журналистики существенное влияние оказали теории текстовой деятельности зарубежных школ постструктурализма и деконструктивизма.

Теоретики постструктурализма утверждают, что через язык средств массовой информации людям исподволь навязывается определенный образ мышления, отвечающий нуждам господствующих идеологий, то есть происходит манипулирование массовым и индивидуальным сознанием. Эта мысль подтверждается исследованиями семиологов, в частности, теорией Ф. де Соссюра, осмысленной и продолженной У. Эко, который писал, что семиология изучает различные семиотические системы и рассматривает их как «<...> модели, объясняющие мир, в котором мы живем (ясно, что, объясняя мир, они одновременно его конструируют). <...> Среди таких систем язык выделяется как первичная моделирующая система: мы воспринимаем мир, пользуясь моделью, предложенной самим языком» [1: 409]. У. Эко рассматривает язык как один из кодов, способных передавать и создавать информацию в процессе коммуникации. «Языком <...> следовало бы назвать систему, которая объясняет себя путем последовательного разворачивания все новых и новых конвенционных смыслов» [2: 53]. Обращаясь к проблеме означающего и означаемого, Эко выявляет, что «<...> связь означающего и означаемого произвольна, но она навязана языком <...>, она не может быть изменена по усмотрению говорящего. Напротив, именно необходимость подчиниться коду помогает уловить разницу между обозначаемым и понятием, умственным представлением <...>» [2: 52].

В современном медиа - пространстве означающее все более отходит от привычных лексических форм. С целью воздействия не только на рациональную сторону коммуникативного процесса, но и на подсознание коммуниканта, информационные потоки все более кодируются. «Таким образом, – пишет Эко, – означающее все более и более предстает перед нами как смыслопорождающая форма, производитель смыслов, исполняющийся множеством значений и созначений, благодаря корреспондирующим между собой кодам и лексикодам» [2: 57]. Значение, которое, по замыслу говорящего, должно быть воспринято, устанавливается кодом. Код должен быть действенным, легко считываться воспринимающим, на это и рассчитаны все интерактивные и визуальные средства массовой информации. «Созначения – это вторичные коды (или лексикоды). Они присущи только какой-то части носителей языка. Субъект, овладевая вторичными кодами, вовлекается в коммуникацию. Язык как код устанавливается и крепнет в процессе коммуникации» [3: 33]. Исходя из представленной выше теории языка – кода, можно предположить, что процесс коммуникации является бинарной оппозицией - он может возникнуть только при восприятии кодов и лексикодов языка, с другой стороны, развитие языка возможно лишь при наличии коммуникативных связей.

Н. Кириллова предлагает рассматривать медиа-культуру в исторической репрезентации, в контексте социального функционирования как знаковую систему, некий «код», с помощью которого передается информация об окружающем человеке мире. Каким же образом происходит

этот процесс кодирования в речевом поле?

Ю. М. Лотман в работах по типологии культуры, определяя специфику функционирования языка в лингвокультурологическом пространстве, уточняет отношение к языку как к коду: «Код не подразумевает истории, т.е. психологически он ориентирует нас на искусственный язык, который и предполагается идеальной моделью языка вообще. «Язык» же бессознательно вызывает у нас представление об исторической протяженности существования. Язык – это код плюс его история» [4: 3]. Ю. М. Лотман предполагает, что весь социокультурный материал можно рассматривать «<...> с точки зрения определенной содержательной информации и с точки зрения социальных кодов, которые позволяют эту информацию выражать в определенных знаках и делать достоянием тех или иных человеческих коллективов» [5: 56]. Из данного тезиса следует, что основной целью коммуникативного процесса является доставка и получение информации, то есть содержательная сторона, а ее речевое оформление в виде кодов и лексикодов является вторичным, вспомогательным средством.

Центральным звеном постструктуралистской концепции становится «дискурс» – многозначное понятие, введенное структуралистами. Дискурс трактуется ими как «специфический способ или специфические правила организации речевой деятельности (письменной или устной)».

Р. Барт в своей актовой «Лекции» обозначил проблему дискурса власти: «Имя мне – Легион», – могла бы сказать о себе власть: повсюду, со всех сторон, нас окружают всевозможные лидеры, громоздкие или крохотные административные аппараты, группы давления и подавления; отовсюду раздаются «ответственные» голоса, берущие на себя ответственность донести до нас самый дискурс власти – дискурс превосходства» [6: 547].

Расширяя понятие дискурса, ученый придает ему социокультурную окраску: «И мы начинаем догадываться, что власть гнездится в наитончайших механизмах социального обмена, что ее воплощением является не только государство, классы и группы, но также и мода, расхожие мнения, зрелища, игры, спорт, средства информации, семейные и частные отношения, – власть гнездится везде, даже в недрах того самого порыва к свободе, который жаждет ее искоренения: Я называю дискурсом власти любой дискурс, рождающий чувство совершенного проступка и, следовательно, чувство виновности во всех, на кого этот дискурс направлен <...>» [6: 548].

Одной из центральных и актуальных Р. Барт видит проблему взаимосвязи и взаимодействия языка и власти: «Объектом, в котором от начала времен гнездится власть, является сама языковая деятельность, или, точнее, ее обязательное выражение – язык.

Языковая деятельность подобна законодательной деятельности, а язык является ее кодом. Мы не замечаем власти, тающейся в языке, потому что забываем, что язык – это средство классификации, и что всякая классификация есть способ подавления: латинское слово *ordo* имеет два значения: «порядок» и «угроза». Как показал Якобсон, любой естественный язык определяется не столько тем, что он позволяет говорящему сказать, сколько тем, что он понуждает его сказать» [6: 548].

В современной ситуации человеческое сознание способно познавать мир, по мысли Ф. Джеймисона, только посредством повествовательной фикции, вымысла, иными словами, мир доступен человеку лишь в виде рассказов, историй, или же нарратива. И. Ильин подчеркивает, что новый взгляд на реальность имеет серьезные последствия для сознания: «Особую роль в формировании языка постмодерна, по признанию всех теоретиков, занимавшихся этой проблемой, играют масс-

медиа – средства массовой информации, мистифицирующие массовое сознание, манипулирующие им, порождая в изобилии мифы и иллюзии – все то, что определяется как «ложное сознание». <...> произведения постмодернизма разоблачают процесс мистификации, происходящий при воздействии медиа на общественное сознание, и тем самым доказывают проблематичность той картины действительности, которую внушает массовой публике массовая культура» [7: 219-220].

В ситуации необычайного расширения возможностей воздействия на массовое сознание основным способом остается речевое воздействие. Как отметила культуролог Н. Кириллова, «<...> мы живем в мире медиа – расширяющейся системы массовых коммуникаций, «информационного взрыва» (по определению канадского социолога Маршалла Маклюэна), основными характеристиками которого являются хаотичность, беспредельность и избыточность. В этой связи усложняются наши социальные связи и модели постсовременной идентичности, заставляя еще раз обратиться к «пониманию медиа»» [8: 7]. Для медиа-культуры и, в частности, ее несомненной составляющей – журналистики – важнейшей задачей является освоение «<...> новых для себя и общества тем, и аспектов деятельности государственных, частных лиц и институтов. Инвентарь имеющихся в распоряжении прессы средств приходится постоянно пополнять, переосмысливать, обновлять, «встраивать» в систему существующих норм языка. Освоение нового связано с поиском языковых моделей, способных дать имя явлению и включить это имя в широкие аксиологические, прагматические и синтагматические связи, объективируемые в тексте» [3: 35].

Введение в обиход термина «постмодернизм», как известно, было связано с глобализацией роли масс-медиа в современном обществе. Как и в искусстве, постмодернизм в журналистике

предъявил свою знаковую модель видения мира – симулякр как «набор образов действительности», свободный для интерпретации. Природа языка, механизмы его функционирования и восприятия являются главными компонентами текстовой деятельности журналиста и основными способами реализации авторского замысла. Журналистика выполняет информационные задачи через текстовую деятельность, которая является многокомпонентным организмом, важнейшие составляющие которого – язык и художественная образность.

С.И. Сметанина отмечает, что «<...> даже при относительно точно найденном знаковом эквиваленте действительности в текстовом окружении семантика слова может трансформироваться. Вследствие чего искажается оригинальное значение высказывания, перекрывается доступ к пониманию текста или расширяется круг его возможных интерпретаций. И если художественный текст предполагает это «мерцание» смыслов, то возникновение в журналистском тексте так называемых «шумов» (не предусмотренных автором вариантов понимания) приводит к коммуникационным провалам» [3: 36]. В данном случае значение контекста, на котором акцентируется постструктурализм, трудно переоценить. Благодаря именно контексту речевое высказывание может приобретать новые смыслы, оттенки, то есть подлежит раскодированию.

«Языковая игра» имеет свои плюсы и минусы. Ж. Бодрийяр, наблюдая за репортажами американских журналистов с места боевых действий, отмечает негативные последствия избыточной образности и симулякризации в журналистском тексте: «<...> война, превратившись в информацию, перестает быть реальной войной и становится войной виртуальной; и подобно тому, как все, проходящее через психику, служит поводом для бесконечных туманных рассуждений, – так и все, что пропускается через информацию,

становится предметом нескончаемой спекуляции» [9: 33]. В погоне за внешними эффектами, подстегивающими читательский/зрительский интерес, современный журналист оказывается перед опасностью потери достоверности, реального воспроизведения «картины мира». Новейшие технические средства, тотальная визуализация информационного поля иногда оказывают влияние не на сознание, а на психику воспринимающих.

Игра с языком, заложенная в самой концепции постмодерна, предполагает цитатность, кодирование, монтаж, аллюзивность, смешение стилей, жанров, и современная журналистика активно включает все эти художественные приемы в свой арсенал. Результатом явилось то, что язык журналистики сегодня представляет собой смешение публицистического, художественного и научного стилей. Нельзя этот процесс интеграции стилей назвать негативным, так как он безмерно расширяет творческие возможности, но, исходя из конечных задач любого вида деятельности (в данном контексте – журналистской), нельзя не согласиться с С.И. Сметаниной в том, что «<...> какие бы причудливые формы для своего сообщения не выбирал журналист (творческая раскованность и современные средства трансляции информации это позволяют), ему следует прогнозировать результат своей текстовой деятельности. Языковая «упаковка», важная в условиях борьбы за читателя, должна содержать сигналы того, что это всего лишь «упаковка», прием, лексикод. Виртуальное не должно заслонять границы реального. Варианты интерпретации – иметь границы» [3: 42].

Языковая игра является важнейшим компонентом эстетики постмодерна и неразрывно связана со словотворчеством. В частности, Д. Гугунава выявляет широкие возможности окказионального словопроизводства, что свидетельствует об особом типе языкового освоения действительности. В литературно-критических постмо-

дернистских текстах немало окказионализмов нетерминологического характера, подчеркивающих индивидуальную дискурсивную креативность. В языке критики окказионализмы являются формой языковой игры, практически не применяющейся в других литературных жанрах.

Нельзя пройти мимо трансформаций в обществе на пороге третьего тысячелетия, связанных с тотальной экспансией новейших информационных и коммуникативных технологий. Так, Ж. Бодрийяром была разработана теория симуляции и гиперреальности, согласно которой знаки, порождаемые современным технотронным обществом, по сути дела не имеют никакой связи с реальностью в привычном смысле слова. Такие знаки больше не являются представителями каких-либо объектов, то есть знаками-копиями или знаками-символами. Они более не презентуют никакую реальность, кроме своей собственной, и, наоборот, маскируют отсутствие действительности путем ее симуляции, именно поэтому подобные информационные объекты и были обозначены как «симулякры».

В. Емелин, анализируя функционирование симулякра в информационном пространстве, подчеркивает, что симулякр, в зависимости от поля действия, имеет различные функции. В информационном пространстве симулякр – это «знак без означаемого, знак за которым ничего не стоит, кроме сотворенной им же реальности, которая не что иное, как гиперреальность, реальность, лишенная глубины, некая поверхность, дающая выхолощенную, но зачастую эффектную и привлекательную картинку действительности, причем эта картинка оказывается более (сверх-, гипер-) реальной, так как представленное на ней изображение идеализирует, «раскрашивает», развоплощает и обнажает реальность. Характерным примером информационной технологии, продуцирующей гиперреальность, является телевидение, которое представляет события

в виде калейдоскопа визуальных образов, которые уничтожают пространственную и телесную грань, разделяющую зрителя и действующее лицо, симулируя непосредственную близость происходящего и, по сути, подменяя его сконструированным на злобу дня изображением» [4].

Исходя из установок современной журналистики, можно предположить, что открытия постструктурализма в области языка текстовой деятельности, роли языка в коммуникативном процессе, влияния речевого воздействия на сознание, и, что не менее важно, – открытие новых возможностей коммуникативного воздействия при помощи «языковых игр», оказались необходимыми для формирования современного языка общения и воздействия. В этом направлении весьма продуктивными стали разработки проблемы структуры текста, его интерпретации, теории симулякра, кода, знака, дискурса и др.

Выделенные тенденции позволяют дать лишь общую характеристику постструктурализма как направления в осмыслении культуры, которое продолжает существовать, видоизменяться и самоопределяться. Постструктурализм, как и постмодернизм, воплощает определенное «кризисное сознание», возникающее в условиях истощенности определенной онтологической и гносеологической парадигмы (в данном случае – новоевропейской), в ситуации «смены эпистем» (Фуко). Предложенные постструктурализмом новые интенции в восприятии текстов культуры позволили существенно расширить представления о возможностях и границах понимания культуры.

Постструктурализм размывает границы между философией, литературой и литературной критикой, усиливая тенденцию к эстетизации философии и ставя до некоторой степени под сомнение само ее существование. Тему смерти философии затрагивает М. Фуко. Ж. Делёз предпочитает говорить скорее о мышлении различия, чем о философии. То же са-

мое делает Ж. Деррида, рассматривая философию как «обходной путь к литературе». Некоторые его работы действительно выглядят как литературные вариации на философские темы. Творчеству Барта, Фуко и Деррида присущ ярко выраженный стиль, в силу чего их иногда называют писателями.

Основным источником художественного творчества постструктуралисты объявляют вдохновение, зарождающееся в недрах бессознательного. Отсюда и берет начало фундаментальное явление, которое постструктуралисты называют «болезненно патологической замороженностью» (М. Сарук), иррационализмом, неприятием концепции целостности и пристрастием ко всему нестабильному, противоречивому, фрагментарному и случайному.

В понимании человека в постструктурализме на первое место выходят несистемные, неструктурируемые явления. Источником таких человеческих проявлений мыслится его субъективность, индивидуальные особенности психики, воля, понимаемые не через психоаналитическое бессознательное, а скорее, через ницшеанский волюнтаризм, отражающий активное взаимодействие человека с непонятным и враждебным окружением с целью реализации его волевого стремления к доминированию над этим окружением. Для постструктурализма ключевой категорией, характеризующей человека, является желание как универсальная форма проявления стремления человека к коммуникации с окружением, определяющая все формы индивидуального и коллективного действия, социальной и культурной действительности. На место структурной логической упорядоченности сознания приходит понимание его как разомкнутой, хаотичной «магмы» желаний, устремлений, вопросов к внешнему миру, лишь частично определяемых его социальным и культурным опытом, то есть деструкция существующих моделей.

Современные средства массовой коммуникации, умело манипулируя сущностью человека, стремящегося к комфортной жизни, при помощи означающих (Р. Барт), действующих на подсознание, создают идеологическое пространство эпохи постмодерна, эксплуатируя его же открытия (реклама, видеоклипы, ток-шоу, интерактивные коммуникации и т.д.).

Но эта тенденция закономерна, она предсказана еще Р. Бартом, который с сожалением писал: «Но, увы, ничего не поделаешь: рынок подчиняет себе все, интегрируя даже те явления, которые направлены непосредственно против него; он завладевает текстом, включая его в круговорот совершенно бессмысленных, хотя и узаконенных трат, текст вовлекается в работу некоего коллективного хозяйственного механизма (пусть даже механизма, имеющего сугубо психологическую природу)» [11: 480].

Первая фаза информационного об-

щества резко актуализировала прагматическую и аксиологическую проблематику, выдвинула трудные задачи выработки критериев знаний, выступающих в форме оценочных утверждений, открыла неведомые ранее области неопределенности, прежде всего в коммуникативной сфере: по-новому поставлены вопросы о производстве, передаче и потреблении информации, о ее оценках, использовании в качестве фактора управления. В свете этого обострились давние проблемы лингвистической относительности, языковых игр, дезинформации, обмана и самообмана, манипуляций личностью и массами, изощенной полуправды как средства защиты интересов, многие другие проблемы, касающиеся межличностных отношений и социальных взаимодействий. И, пожалуй, единственная форма деятельности, которой по силам охватить такое тематическое и проблемное многообразие, это – журналистика.

Примечания:

1. Эко У. Предисловие к английскому изданию // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М., 1999.
2. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 1998. 544 с.
3. Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века): науч. изд. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. 383 с.
4. Лотман Ю. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. СПб.: Искусство, 2004. 702 с.
5. Лотман Ю. Знаковый механизм культуры // История и типология русской культуры. СПб.: Искусство, 2002. С. 63-66.
6. Барт Р. Лекция // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 545-574.
7. Ильин И. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М., 1998.
8. Кириллова Н.Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. 2-е изд. М.: Академический проект, 2006. 448 с.
9. Бодрийяр Ж. Войны в заливе не было // Художественный журнал. 1994. № 3. С. 32-37.
10. Емелин В.А. В коммуникационном пространстве информационного общества: социально-философские аспекты. URL: http://www.geocities.com/emelin_vadim.
11. Барт Р. Удовольствие от текста // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 462-518.